

ВСЕМИРНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ГОНКУРОВСКАЯ ПРЕМИЯ 2016

ИДЕАЛЬНАЯ НЯНЯ

ЛЕЙЛА СЛИМАНИ

Лейла Слимани

Идеальная няня

Издательство «Синдбад»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Фра)-44

Слимани Л.

Идеальная няня / Л. Слимани — Издательство «Синдбад», 2016

ISBN 978-5-00131-017-4

Молодая супружеская пара – Поль, музыкальный продюсер, и Мириам, начинающий адвокат, – нанимает детям няню – вдову средних лет, у которой есть живущая отдельно взрослая дочь. Поль и Мириам приятно удивлены тем, насколько им подошла Луиза: она завоевала сердца детей, изобретая все новые увлекательные игры, и стала поваром и домоправительницей. Никогда еще в квартире не было так чисто, а на столе – так много вкусной еды. Но со временем супруги обнаруживают, что попали в зависимость от своей идеальной няни... Получившая в 2016 году Гонкуровскую премию, книга Лейлы Слимани – захватывающий психологический триллер и в то же время списанная с самой жизни история сложных человеческих отношений, где любовь, отравленная ревностью, превращается в ненависть.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-00131-017-4

© Слимани Л., 2016

© Издательство «Синдбад», 2016

Содержание

Стефани	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лейла Слимани

Идеальная няня

Посвящается Эмилю

Мисс Веццис приехала, чтобы присматривать за детьми одной леди, пока не прибудет настоящая нянька. Леди говорила, что мисс Веццис была плохая, грязная, нерадивая нянька. Леди никогда не приходило в голову, что у мисс Веццис могла быть собственная личная жизнь и дела, над которыми надо было подумать, и что эти дела для мисс Веццис были важнее всего на свете.

Редьярд Киплинг. Посчастливилось¹

– Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? – вдруг припомнился ему вчерашний вопрос Мармеладова. – Ибо надо, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти...

Ф. М. Достоевский.

Преступление и наказание

Leïla Slimani
CHANSON DOUCE
© Editions Gallimard, 2016

Russian Edition Copyright © 2016 by Sindbad Publishers
Publisher and Editor-in-Chief Alexander Andryushchenko

Иллюстрация на обложке: © Marie Carr / Arcangel

Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2018

* * *

Младший умер сразу. Он почти не мучился. Доктор уверял, что он вообще ничего не почувствовал. Безжизненное тельце достали из ванны, где оно лежало в окружении резиновых игрушек, уложили в серый мешок, а мешок застегнули на молнию. Девочка к прибытию полиции была еще жива. Видно было, что она отбивалась изо всех сил – об этом свидетельствовали следы борьбы, в том числе частицы кожи под детскими ногтями. В «скорой», по дороге в больницу, ее сотрясали судороги. Она лежала с широко открытыми глазами и ловила ртом воздух. Горлом шла кровь. У нее было проколото легкое и сильно разбита голова – о ее любимый голубой шкафчик.

Полицейские сфотографировали место преступления. Сняли отпечатки пальцев, обмерили ванную и детскую. Ковер с изображением принцессы пропитался кровью. Пеленальный столик опрокинут. Игрушки собрали в полиэтиленовые мешки и опечатали. Голубой шкафчик тоже включили в список вещественных доказательств.

Мать пребывала в шоковом состоянии. Это повторяли и пожарные, и полицейские, так писали во всех газетах. Войдя в детскую и увидев распластанные детские тела, она издала крик, нет, нутряной вопль, подобный вою раненой волчицы. Стены комнаты словно заходили ходу-

¹ Пер. Е. Киселева.

ном. На майский день вдруг обрушилась беспросветная ночь. Ее вырвало. Полицейские нашли ее в углу комнаты, куда она забилась, захлебываясь от слез, с безумным взглядом. Она визжала так, что казалось, у нее сейчас лопнут легкие. Врач скорой еле заметно покрутил пальцем у виска. Им удалось поднять ее на ноги, несмотря на отчаянное сопротивление, пинки и удары. Потом ее медленно усадили. Девушка-интерн вколола ей успокоительное. Шел первый месяц ее практики.

Но и ту, что все это натворила, надо было спасать. Действуя профессионально и без эмоций. Лишить жизни себя она не сумела. Смогла лишь принести смерть другим. Она вскрыла себе оба запястья, вонзила нож в горло и упала без сознания возле детской кроватки с бортиками. Ее подняли, измерили пульс и давление и уложили на носилки. Та же девушка-интерн не отпускала руки от ее шеи.

У подъезда собрались соседи, по большей части женщины. Как раз в этот час они обычно отправлялись в школу за детьми. Они смотрели на машину скорой помощи глазами полными слез. Многие плакали. Все хотели знать, что произошло. Привставали на цыпочки, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь за головами полицейских, кордоном окруживших машину, пока та не отъехала, мигая и вереща сиреной. Женщины тихо перешептывались. Быстро разнесся слух: с детьми страшная беда.

Это был красивый дом на улице Отвиль, в Десятом округе. Его жильцы, даже не зная друг друга, всегда тепло здоровались. Семья Массе занимала квартиру на шестом этаже – самую маленькую в доме. Когда у Поля и Мириам родился второй ребенок, они перегородили гостиную стенкой и устроили себе спальню в узкой комнатухе рядом с кухней, с окном на улицу. Мириам любила резную мебель и арабские ковры. На стену она повесила японские эстампы.

Сегодня она вернулась домой раньше обычного. Поскорее закончила совещание, а подробное изучение дела перенесла на завтра. Сидя на откидном сиденье в вагоне метро, она думала, что сделает детям сюрприз. На улице заскочила в булочную, купила багет, десерт для малышей и апельсиновый кекс для няни. Ее любимый.

Она решила, что сводит их покататься на карусели, а потом они все вместе зайдут в магазин, купить что-нибудь к ужину. Мила, конечно, потребует игрушку, а Адам, сидя в коляске, будет мусолить хлебную горбушку.

И вот Адам мертв. А Мила на волосок от смерти.

* * *

– Только, пожалуйста, никаких нелегальных мигранток! Квартиру убрать или ремонт сделать – ради бога, пусть люди зарабатывают, но брать детям няню без документов – ни за что. А если вдруг понадобится, чтобы она позвонила в полицию или съездила в больницу? В общем, нам нужна не очень старая и некурящая. И никакого хиджаба! Чтоб была шустрая и в случае чего могла задержаться на час-другой. Чтоб дала нам возможность спокойно работать.

Поль подготовился. Составил список вопросов, отведя по тридцать минут на встречу с каждой претенденткой. Супруги решили пожертвовать субботой, но найти детям идеальную няню.

За несколько дней до того, обсуждая эту тему с подругой Эммой, Мириам слышала, как та жалуется на няню, которая присматривала за ее мальчиками. «У нее самой двое сыновей, и она наотрез отказывается задержаться хоть на минуту или прийти в выходные. Это создает нам массу неудобств. Учти этот момент, когда будешь разговаривать с кандидатками! Если у няни есть дети, лучше, если они остались у нее на родине». Мириам поблагодарила подругу за совет. На самом деле высказывание Эммы ее покорило. Если бы работодатель сказал что-нибудь подобное о ней или об одной из ее знакомых, она возмутилась бы и заявила, что это дискриминация. Она считала вопиющей несправедливостью отказывать женщине в работе только на

том основании, что у нее есть дети. Полю она об этом рассказывать не стала. Муж рассуждал так же, как Эмма. Прагматик, для которого важнее всего собственная семья и карьера.

В то утро они всем семейством сходили в магазин: Мила восседала у Поля на плечах, а Адам спал в коляске. Они купили цветов и навели в квартире чистоту. Им хотелось произвести на потенциальных нянь благоприятное впечатление. Так что они подобрали книги и журналы, валявшиеся на полу, под кроватью и даже в ванной. Поль велел Миле убрать все игрушки в большие пластиковые ящики. Та заупрямилась, захныкала, и в результате папа сделал все сам и придвинул ящики к стене. Они аккуратно сложили детские вещи, поменяли постельное белье на кроватях. Заглянули в каждый угол, выбросили мусор, несколько раз проветрили душноватые комнаты. Они хотели предстать перед потенциальной няней людьми положительными, солидными и аккуратными, которые готовы дать своим детям все самое лучшее. Они хотели быть хозяевами положения.

Мила и Адам спали после обеда, а Мириам с Полем сидели на краю кровати. Оба немного смущенные и взвинченные. Они никогда еще не доверяли детей чужому человеку. Мириам забеременела Милой на последнем курсе юридического факультета. Диплом получила за две недели до родов. Поль не отказывался ни от одной стажировки, преисполненный оптимизма, который когда-то и покорила Мириам. Он не сомневался, что сумеет работать за двоих. И, несмотря на кризис и сокращение бюджетов, сделает карьеру музыкального продюсера.

* * *

Мила родилась слабенькой, вела себя беспокойно, без конца плакала. Она плохо набирала вес, отказывалась брать грудь и отворачивалась от бутылочки, заботливо приготовленной отцом. Склоняясь над детской кроваткой, Мириам, казалось, забывала о существовании внешнего мира. Все ее желания сводились к тому, чтобы влить хоть несколько граммов молочной смеси в ротик тщедушной, но упрямой крохи. Она не замечала ничего вокруг. Они с Полем ни на миг не расставались с Милой, делая вид, что не замечают раздраженного ворчания друзей, убежденных, что ребенку не место в баре или на банкетке ресторана. О возможности пригласить няню Мириам и слушать не желала. Только она, она одна могла заботиться о своей дочери.

Миле едва минуло полтора года, когда Мириам снова забеременела. Она уверяла всех, что это чистая случайность. «Теперь вы знаете: таблетки не дают стопроцентной гарантии!» – смеясь, восклицала она в кругу подруг. На самом деле она запланировала эту беременность. Адам стал для нее предлогом оставаться в уютном домашнем гнездышке. Поль не возражал. Он только что получил место помощника звукорежиссера в известной студии, где крутился с утра до вечера, потакая капризам артистов, понятия не имеющих о том, что такое нормированный рабочий день. Мириам, казалось, полностью нашла себя в своем почти животном материнстве. Эта жизнь в коконе, вдали от людей, надежно защищала их от всех напастей.

Но потом время как будто замедлилось, и идеальный семейный механизм засбоил. Родители Поля, которые помогали им с момента рождения внучки, теперь все больше времени проводили в своем загородном доме, где затеяли масштабный ремонт. За месяц до вторых родов Мириам они отправились в трехнедельную поездку по Азии, предупредив Поля в самый последний момент. Тот разобиделся и в сердцах жаловался Мириам на их эгоизм и легкомыслие. Однако Мириам почувствовала облегчение. Она терпеть не могла присутствия Сильви. Советы свекрови она выслушивала с улыбкой и только кривилась, когда та лезла в холодильник и критиковала качество хранящихся в нем продуктов. Сама Сильви покупала салат исключительно в магазине биопродуктов. Она готовила еду для Милы, но превращала кухню в настоящий свинарник. Они с Мириам никогда ни в чем не соглашались, и в доме царила гнетущая атмосфера, каждую минуту грозящая разразиться скандалом. В конце концов Мириам сказала

Полю: «Оставь своих стариков в покое. Они наконец свободны и имеют право наслаждаться жизнью».

Однако она недооценила тяжести свалившихся на нее забот. С двумя детьми все сразу усложнилось – и походы в магазин, и купание, и посещение врача, и уборка. Счета росли как снежный ком. Мириам мрачнела с каждым днем. Постепенно она стала ненавидеть прогулки в парке. Зимние дни тянулись бесконечно. Капризы Милы ее раздражали, первые словечки Адама оставляли равнодушной. Ей все чаще хотелось хоть куда-нибудь пойти одной, и она готова была взвыть от отчаяния посреди улицы. «Они меня заживо похоронят», – порой говорила она себе.

Она стала завидовать мужу. Вечером она дожидаться не могла, когда он вернется с работы, чтобы обрушить на него жалобы на вечно хнычущих детей, крохотную квартиру и отсутствие хоть какого-то просвета. Она могла чуть ли не час изливать ему душу. Если он в ответ пересказывал очередную эпопею с записью хип-хопгруппы, она бросала ему: «Везет тебе!» – «Нет, это тебе везет, – не соглашался Поль. – Я тоже хотел бы видеть, как они растут». В этой игре победителей не бывает.

Ночью Поль спал рядом с ней глубоким сном человека, который весь день пахал и заслужил полноценный отдых. Мириам мучилась бессонницей, во власти злости и запоздалых сожалений. Она думала о том, чего ей стоило закончить учебу, несмотря на нехватку денег и отсутствие родительской помощи, вспоминала, какую радость испытала, когда ее приняли в коллегия адвокатов и она впервые облачилась в адвокатскую мантию – Поль тогда сфотографировал ее перед дверями их дома, гордую, с широкой улыбкой.

Многие месяцы Мириам старательно делала вид, что справляется с ситуацией. Даже Полю она не смела признаться, до чего ей стыдно. Что она обмирает от мысли о том, что ей не о чем говорить с другими людьми, кроме как о детских проделках да нелепых диалогах, подслушанных в супермаркете. Она отклоняла приглашения друзей поужинать в ресторане и даже не подходила к телефону, когда ей звонили. Особенно ее пугали женщины – именно они способны на особую жестокость. Тех из них, кто притворялся, что восхищается ею, а то и завидует ей, она готова была придушить голыми руками. Ее выводило из себя, что они жалуются на работу, из-за которой почти не видят своих детей. Но больше всего она боялась разговоров с незнакомыми: когда на невинный вопрос, кем она работает, она отвечала, что она домохозяйка, человек мгновенно терял к ней всякий интерес.

* * *

Однажды, возвращаясь из «Монопри» на бульваре Сен-Дени, она вдруг заметила, что нечаянно украла детские носочки: бросила их в коляску и забыла оплатить. Она еще не добралась до дома и вполне могла вернуться в магазин, но не сделала этого. Полю она не сказала ни слова. Случай был пустяковый, но он не шел у нее из головы. С тех пор, заходя в «Монопри», она регулярно прятала в коляске сына то флакон шампуня, то банку крема, то тюбик губной помады, хотя твердо знала, что никогда не будет ею пользоваться. Она понимала, что, если ее схватят за руку, она изобразит задерганную мамашу и, разумеется, все поверят, что она не нарочно. Эти бессмысленные кражи вводили ее в подобие транса. Выйдя из магазина, она смеялась про себя, словно сумела обхитрить весь мир.

* * *

Случайную встречу с Паскалем она восприняла как знак свыше. Сокурсник с юридического не сразу узнал ее – она была в растянутых штанах, стоптанных сапогах, с пучком на невымытой голове. Она стояла возле карусели, с которой не желала слезать Мила, и повторяла:

«Всё, последний круг», а дочка, вцепившись в свою лошадку, раз за разом проезжала мимо и махала ей ручкой. Подняв глаза, Мириам увидела Паскаля – он улыбался, широко разведя в стороны руки, мол, какой приятный сюрприз! Она улыбнулась ему в ответ, одновременно возясь с коляской. Паскаль спешил на деловую встречу, но, к счастью, она должна была состояться в двух шагах от дома Мириам.

– Я как раз собиралась домой, – предложила она. – Проводишь нас?

Она подхватила Милу, которая протестующе вопила и вырывалась. Мириам с трудом удавалось сохранять на лице улыбку, делая вид, что все в порядке. Все это время она со стыдом думала о том, что под пальто у нее старый свитер и что Паскаль наверняка обратил внимание на застиранный воротник. Она судорожно провела руками по вискам, как будто это могло спасти ее посеченные, нечесанные волосы. А Паскаль как будто ничего не замечал. Он рассказывал о юридической конторе, которую открыл вместе с еще двумя сокурсниками, о трудностях и первых успехах, наполнявших его неподдельной радостью. Она буквально впитывала его слова. Мила все не унималась, и Мириам отдала бы что угодно, лишь бы дочка уgomонилась. Не сводя с Паскаля глаз, она рылась в карманах и в сумке в поисках пустышки или конфетки, чтобы купить ее молчание.

На детей Паскаль едва взглянул. Он даже не спросил, как их зовут. Даже Адам, спавший в коляске как ангелочек, не вызвал в нем умиления.

– Вот мы и пришли.

Паскаль чмокнул ее в щеку и сказал:

– Я был ужасно рад повидаться!

После чего вошел в здание, захлопнув за собой тяжелую синюю дверь, которая закрылась с таким шумом, что Мириам аж вздрогнула. Она молча взмолилась. Ее охватило отчаяние: она могла бы усесться прямо на тротуаре и зарыдать. Ей хотелось вцепиться Паскалю в ноги, просить его взять ее с собой, дать ей шанс. Домой она вернулась совершенно разбитой. Долго смотрела на мирно игравшую дочку. Потом искупала Адама, постоянно думая о том, что это счастье, тихое, домашнее, камерное, уже не дает ей утешения. Паскаль без сомнения потешался над ней. Возможно, он даже позвонил их общим приятелям по факультету и рассказал, какое жалкое существование ведет Мириам, что она «похожа на чучело» и «думать забыла о карьере».

Всю ночь она прокручивала в голове воображаемые диалоги. А в понедельник, только вышла из душа, звякнул телефон – пришла эсэмэска: «Не знаю, хочешь ли ты вернуться к работе. Если да, мы могли бы это обсудить». Мириам взвизгнула от радости, обняла Милу и запрыгала по квартире.

– Что случилось, мамочка? – удивилась дочка. – Почему ты смеешься?

Чуть позже, однако, она задумалась: может, дело не в том, что Паскаль догадался о ее настроениях. Может, он попросту счел большой удачей случайную встречу с Мириам Шаффа, самой способной студенткой с их курса. Возможно, он решил, что окажется в большом выигрыше, если сумеет вернуть такого специалиста в строй для участия в судебных баталиях.

Мириам рассказала все Полю – и была разочарована его реакцией. «Да я понятия не имел, что ты мечтаешь работать», – пожал он плечами. Неожиданно для себя она вспылила, и разговор быстро перерос в ссору. Она обвинила Поля в эгоизме, он сказал, что она сама не знает, чего хочет. «Ну хорошо, пойдешь ты работать, я не против, но как быть с детьми?» И он засмеялся, мгновенно показав ей, что считает ее амбиции нелепыми, что еще больше укрепило ее в убеждении, что она обречена на жизнь в четырех стенах.

Успокоившись, они попытались обсудить имеющиеся возможности. Стоял конец января, а значит, у них не было ни единого шанса устроить детей в ясли или группу неполного дня. Знакомств в мэрии у них тоже не было. Если Мириам выйдет на работу, то у них возникнут проблемы с деньгами: две зарплаты на семью не позволят им претендовать на государственное

пособие, а расходы на няню нанесут заметный ущерб семейному бюджету. В конце концов они остановились на решении, которое озвучил Поль: «С учетом переработок ты будешь зарабатывать примерно столько же, сколько мы будем платить няне. Но если ты считаешь, что тебе это нужно...» Этот разговор оставил у Мириам на душе горький осадок. Она злилась на Поля.

* * *

Она хотела сделать все как положено и первым делом направилась в агентство по найму, недавно открывшееся по соседству. В небольшом помещении со скромным интерьером располагались две молодые женщины лет тридцати. Стеклянная витрина при входе была выкрашена в нежно-голубой цвет и украшена звездами и золочеными фигурками верблюдов. Мириам позвонила в дверь. Из-за стекла на нее неприязненно уставилась хозяйка. Лениво поднявшись, она подошла к двери, чуть приоткрыла ее и просунула голову:

– Да?

– Здравствуйте.

– Вы ищете работу? Нам необходим полный пакет документов: ваше резюме и рекомендации от предыдущих работодателей.

– Нет-нет, вы меня не поняли. У меня дети. И я ищу няню.

У женщины мгновенно преобразилось выражение лица. Она была явно рада заполучить клиента и досадовала на свою оплошность. Но могла ли она предположить, что эта изможденная женщина с копной жестких курчавых волос была матерью прелестной девочки, которая хныкала, стоя на тротуаре?

Хозяйка раскрыла огромный каталог, и Мириам над ним склонилась.

– Садитесь, пожалуйста! – предложила женщина.

Перед глазами Мириам мелькали десятки фотографий женщин, в основном африканок и филиппинок. Мила развеселилась. «Мамочка, смотри, какая страшная тетя!» – воскликнула она. Мать шикнула на нее и продолжала листать страницы с размытыми, неудачными снимками, и ни на одном лице не было улыбки.

Хозяйка конторы Мириам не понравилась. Ее ханжество, круглое румяное лицо, дурацкий шарфик вокруг шеи. Да еще и расистка, сразу видно. Ей захотелось немедленно убежать. Мириам попрощалась с ней за руку, сказав, что обсудит все с мужем и придет еще раз, но больше туда не пошла. Дома она написала и собственноручно развесила в ближайших магазинах объявления о поиске няни. По совету подруги такие же разместила в интернете с пометкой СРОЧНО. К концу недели они получили шесть откликов.

Мириам ждала появления няни как манны небесной, хотя мысль о том, что ей придется оставить детей, ее ужасала. Она знала о них все и ни с кем не собиралась делиться своим тайным знанием. Ей были известны все их вкусы и заскоки. Она мгновенно определяла, что тот или другая заболел, а не просто капризничает. Она не спускала с них глаз и была уверена, что никто не сможет защитить их лучше ее.

С момента рождения детей Мириам опасалась буквально всего. Особенно того, что дети могут умереть. Она никогда не говорила об этом ни с подругами, ни с Полем, но не сомневалась, что этот страх знаком всем родителям. Что многие из них, глядя на спящего малыша, ловили себя на мысли: а что, если он уже не дышит, что, если эти глазки закрылись навсегда? Она ничего не могла с собой поделать. Воображение рождало жуткие картины, от которых она пыталась избавиться, трясая головой, бормоча молитвы, стуча по дереву или прикасаясь к «руке Фатимы» – оберегу, унаследованному от матери. Она заклинала судьбу, заговаривала детей от болезней, несчастных случаев и хищного аппетита всяких извращенцев. Иногда ей снилось, что ее дети вдруг исчезли, пропали прямо среди равнодушной толпы. «Где мои дети?!» – кричала она, но все вокруг только смеялись и показывали на нее пальцем: вот ненормальная.

* * *

– Она опаздывает. Хорошенькое начало.

Поль терял терпение. Он подошел к входной двери и посмотрел в глазок. На часах уже 14:15, а первая кандидатка, филиппинка, еще не появилась.

В 14:20 Жижи робко постучалась в дверь. Ей открыла Мириам. И сразу удивилась, какие у женщины крохотные ножки. Несмотря на холод, на ней были тканевые теннисные туфли и белые носки с оборочками. На вид ей около пятидесяти, а ножки – как у ребенка. Одета довольно элегантно, волосы заплетены в тугую косу, спускающуюся вдоль спины. Поль сухо заметил, что она опоздала. В ответ Жижи опустила голову и что-то забормотала извиняющимся тоном. По-французски она изъяснялась с большим трудом. Поль без особых надежд перешел на английский. Жижи рассказала о себе, о том, что на родине у нее остались дети. Младшего сына она не видела уже десять лет. Нет, она им точно не подойдет. Задав для проформы несколько вопросов, ровно в 14:30 Поль проводил женщину к выходу. «Мы вам позвоним. *Thank you*».

После нее явились: Грас, уроженка Кот-д'Ивуара, улыбчивая нелегалка. Каролина, дебилая блондинка с сальными волосами, которая начала с жалоб на боли в спине и проблемы с венами. Малика, пожилая марокканка, уверявшая, что у нее двадцатилетний опыт и что она обожает детей. Мириам была непреклонна. Ни за что на свете она не доверит своих детей магрибинке. «Но это же прекрасно! – уговаривал ее Поль. – Она научит их говорить по-арабски, раз уж ты этого делать не желаешь». Но Мириам отказалась наотрез. Она боялась, что между ней и няней установится невольная фамильярность. Марокканка будет обращаться к ней по-арабски, рассказывать о своей жизни, а потом завалит бесконечными просьбами, упирая на общность языка и религии. Она всегда скептически относилась к тому, что называют «иммигрантской солидарностью».

* * *

А потом пришла Луиза. Вспоминая о той первой встрече, Мириам всегда повторяла: там и думать было нечего. Как любовь с первого взгляда. Особенно она напирала на реакцию Милы. «Это она ее выбрала!» – настаивала Мириам. Мила только что проснулась после дневного сна, разбуженная громким плачем братишки. Поль пошел взять на руки сына, Мила тут же уцепилась за его ногу и больше от него не отходила. При их появлении Луиза поднялась. Мириам описывала эту сцену, восхищаясь самообладанием няни. Та осторожно взяла Адама из рук отца и притворилась, будто не замечает Милу. «А где же наша принцесса? Вроде бы тут была принцесса, но она куда-то подевалась!» Мила рассмеялась от счастья, а Луиза продолжала игру, заглядывая то под стол, то за диван и изображая, что ищет загадочную принцессу-невидимку.

Они задали ей несколько вопросов. Луиза рассказала, что муж у нее умер, что дочь, Стефани, теперь совсем взрослая («ей скоро двадцать, даже не верится!») и что у нее много свободного времени. Она протянула Полю листок со списком имен своих прежних работодателей. Первой значилась фамилия Ровье, и Луиза сказала: «У них я работала довольно долго. Там тоже двое детей. Мальчики». Поль и Мириам были очарованы Луизой, ее правильными чертами, открытой улыбкой, спокойствием. Она казалась невозмутимой. У нее был взгляд человека, который все понимает и способен все простить. Ее лицо напоминало морскую гладь, при взгляде на которую не хочется думать, что за бездны могут таиться в ее глубинах.

Тем же вечером они позвонили по номеру телефона, который оставила им Луиза. Ответила женщина, скорее холодно, но, услышав имя Луизы, тут же сменила тон:

– Луиза? Вам очень повезло, что вы на нее попали! Для моих мальчиков она была как вторая мать. Когда пришлось с ней расстаться, у меня сердце кровью обливалось. Честно говоря, я даже подумывала завести третьего ребенка, лишь бы ее не терять.

* * *

Луиза распахнула ставни. В начале шестого утра еще горели уличные фонари. Внизу, прижимаясь к стенам, чтобы не попасть под струи дождя, шел мужчина. Ливень продолжался всю ночь. В трубах завывал ветер – или это ей снилось? Складывалось впечатление, что дождь идет горизонтально, поливая, как из шланга, фасады и окна домов. Луиза любила смотреть в окно. Вот прямо напротив, зажатый между двумя мрачными зданиями, приютился маленький дом, окруженный запущенным садом. В начале лета там поселилась молодая пара парижан с детьми, которые играли в саду и качались на качелях, а по воскресеньям пололи огороδικ. Луиза не понимала, что они забыли в этом квартале.

Она поежилась от недосыпа. Поковыряла ногтем уголок окна. Она мыла окна дважды в неделю, но ей все равно казалось, что стекла в разводах – пыли и грязных потеков. Она все сильнее скребла по стеклу, пока не сломался ноготь на указательном пальце. Она поднесла палец ко рту и прикусила его, чтобы остановить кровотечение.

В квартире была всего одна комната, служившая Луизе и спальней и гостиной. Каждое утро она складывала диван-кровать и накрывала его черным чехлом. Ела она за низким столиком, перед включенным телевизором. Возле стены высились все еще не распакованные коробки, хотя кое-что из их содержимого, возможно, оживило бы эту безликую комнату. Справа от дивана висел снимок рыжеволосой девушки-подростка в золоченой рамке.

Она тщательно разложила на диване длинную юбку и блузку. Взяла с пола туфли-балетки, купленные больше десяти лет назад, но благодаря тщательному уходу до сих пор выглядевшие почти как новые. По крайней мере, на ее взгляд. Лакированные, самого простого фасона, на квадратном каблучке, украшенные небольшим бантиком. Она села и принялась полировать туфли ватным диском, окуная его в крем для снятия макияжа. Она делала это не торопясь, умело и старательно, полностью погруженная в свое дело. Ватный диск постепенно почернел от грязи. Луиза поднесла туфлю к стоящей на ночном столике лампе, убедилась, что лак сияет как надо, поставила туфлю на пол и взяла вторую.

Утро только началось, так что она вполне успевала привести в порядок ногти. Она забинтовала указательный палец, а остальные покрасила скромным розовым лаком. Впервые в жизни она потратилась и выкрасила волосы в парикмахерской. Сейчас она заколола их в высокий пучок. Потом накрасилась, хотя голубые тени для век ее старили. Зато фигурка у нее такая тонкая и изящная, что издали ей можно дать двадцать лет. На самом деле она больше чем вдвое старше.

* * *

Луиза бесцельно бродила по комнате, которая еще никогда не казалась ей такой маленькой и тесной. Она присела было, но тут же снова поднялась. Она могла бы включить телевизор. Выпить чаю. Почитать старый выпуск женского журнала, который держала у кровати. Но она боялась расслабиться, потерять представление о времени, впасть в ступор. Слишком рано проснувшись, она чувствовала себя слабой, как перед болезнью, и думала, что, стоит ей на минутку закрыть глаза, она заснет и опоздает. А ей в свой первый рабочий день следовало быть бодрой и внимательной.

Она больше не могла томиться дома. Без малого в шесть, понимая, что доберется до места с большим запасом, она вышла из дома и быстро зашагала в сторону метро. Дорога до

станции «Сен-Мор-де-Фоссе» заняла больше четверти часа. В вагоне она села напротив старого китайца, который спал, скрючившись и уткнувшись лбом в стекло. Она смотрела на его изможденное лицо. На каждой остановке ей хотелось его разбудить. Она боялась, что он заедет не туда, откроет глаза на конечной, один в опустевшем вагоне, и ему придется ехать назад. Но она сдержалась. С незнакомыми лучше не разговаривать. Однажды в метро на нее набросилась черноволосая девушка, очень красивая. «Чего уставилась? – орала она. – Какого хрена на меня пялишься?!»

На станции «Обер» Луиза вышла на платформу. Народу в метро заметно прибавилось. Какая-то женщина толкнула ее, пока она поднималась по лестнице на пересадку. Вдруг нос и глотку заполнил тошнотворный запах круассанов вперемешку с подгоревшим какао. На станции «Опера» она пересела на Седьмую линию и вышла из метро на станции «Пуассоньер».

Луиза приехала почти на час раньше, поэтому села за столик на террасе не слишком уютного кафе «Паради», откуда могла наблюдать за подъездом дома. Она вертела в пальцах ложку и с завистью смотрела на мужчину за столиком справа, который курил, то и дело поднося сигарету к своим губам – пухлым губам развратника. Ей захотелось выхватить у него сигарету и сделать долгую, упоительную затяжку. Не в силах больше ждать, она заплатила за кофе и вошла в еще полусонный дом. Через четверть часа она позвонит в дверь, а пока села на ступеньку лестничного пролета. Послышался шум. Она едва успела вскочить, как увидела Поля, который с пытением спускался по лестнице. Под мышкой он тащил велосипед, на голове у него красовался розовый шлем.

– Луиза! И давно вы здесь ждете? Почему не зашли?

– Не хотела вас беспокоить.

– Что вы, какое беспокойство, напротив! Вот, держите, это ваши ключи, – сказал он, доставая из кармана связку. – Проходите и будьте как дома!

* * *

«Наша няня – волшебница!» Именно в таких словах Мириам описывала появление в их жизни Луизы. Очевидно, эта женщина и впрямь обладала магической силой, потому что в один миг превратила их тесную, душную квартиру в светлую и просторную. Луиза словно раздвинула стены. Шкафы при ней стали вместительнее, ящики комодов – глубже. Она впустила в дом свет.

В первый день Мириам дала ей некоторые инструкции. Показала, как работает бытовая техника. Демонстрируя очередную шмотку, она повторяла: «Пожалуйста, будьте с ней особенно аккуратны. Я очень ее люблю». Особо упомянула коллекцию пластинок, которую собирал Поль, подчеркнув, что нельзя подпускать к ней детей. Луиза молча и послушно кивала. Она осмотрела каждую комнату с видом генерала перед решающей битвой.

За неделю-другую Луизе удалось превратить их безалаберное жилище в по-настоящему respectable дом. Ее старомодный, классический вкус пришелся здесь как нельзя кстати. Мириам и Полю все время хотелось себя ущипнуть. Она пришила пуговицы ко всем рубашкам, которые месяцами валялись в шкафу, потому что им было некогда искать иголку. Подрубила юбки и брюки. Починила одежки Милы, которые Мириам приготовила было на выброс. Постирала пожелтевшие от пыли и табачного дыма шторы. Она раз в неделю меняла постельное белье. Поль и Мириам нарадоваться не могли. Поль как-то в шутку сказал Луизе, что она вылитая Мэри Поппинс. Но не был уверен, что она оценила комплимент.

Ночью супруги, лежа на свежих простынях, смеялись от радости, не веря, что у них действительно началась счастливая новая жизнь. У них было чувство, что они нашли редкостный алмаз, поймали удачу за хвост. Конечно, зарплата Луизы проделала брешь в семейном бюджете, но Поль и не думал жаловаться. За несколько недель Луиза стала им необходимой.

* * *

Вечером, когда Мириам возвращалась домой, ее ждал готовый ужин и спокойные, аккуратно причесанные дети. Луиза воплощала самые смелые мечты Мириам об идеальной семье, которые та, стыдясь про себя, всегда лелеяла. Луиза приучила Милу убирать свои вещи, и изумленные родители наблюдали, как дочка вешает свое пальто на вешалку.

Бесполезные вещи куда-то испарились. У Луизы почему-то ничего не скапливалось: ни немытая посуда, ни грязная одежда, ни почта, забытая под кипой журналов. Ничего не портилось и не пропадало. Луиза следила за всем. Луиза была скрупулезна. Она все записывала в блокнотик с обложкой в цветочек. В котором часу забрать Милу из детского сада, в какие дни отвести на занятия танцами, когда сходить с детьми к педиатру. Туда же она заносила названия лекарств, которые давала детям, сколько заплатила на прогулке за мороженое, что именно сказала о Миле воспитательница.

Через несколько недель она уже самостоятельно решала, где чему место. Она перетряхнула все шкафы и между вешалками с пальто развесила мешочки лаванды. Она ставила в вазы цветы. Когда Адам спал, а Мила была в саду, Луизу охватывало состояние безмятежного удовольствия; она садилась и наслаждалась плодами своих усилий. Притихшая квартира, полностью покорившаяся ее власти, казалась ей врагом, смиренно молящим о пощаде.

Но самые чудесные перемены произошли на кухне. Мириам призналась Луизе, что не умеет да и не любит готовить. Теперь няня стряпала им блюда, которые Поль не уставал нахваливать, а дети проглатывали в один присест и без всяких капризов, хотя никто не заставлял их «доесть все до крошки». Они снова стали приглашать друзей, которые за милую душу уписывали фрикасе из телятины, потофё, рульку с шалфеем и овощи в панировке. Они наперебой поздравляли Мириам и осыпали ее комплиментами, на что она всегда честно отвечала: «Я здесь ни при чем. Это наша няня приготовила».

* * *

Когда Мила была в детском саду, Луиза привязывала к себе Адама широким шарфом. Ей нравилось чувствовать на своем животе пухлую детскую попку, нравилось, как пахнет его слюна, стекавшая вниз по щеке, если он засыпал. Целыми днями она пела песенки этому ангелочку, восторгаясь его ленивой грацией. Она делала ему массаж, и ее распирало от гордости за его перевязочки и круглые розовые щечки. По утрам он встречал ее громким лопотанием и тянул к ней ручонки. Всего через несколько недель после появления в доме Луизы Адам научился ходить. Его стало не узнать: он больше не плакал ночи напролет, а спокойно спал до самого утра.

Мила все еще немного дичилась. Это была тоненькая девочка с осанкой балерины. Луиза делала ей такой тугий пучок, что глаза у девочки казались чуть раскосыми, вытянутыми к вискам. Такой она напоминала персонаж средневекового портрета – высокий лоб, благородный ледяной взор. Мила росла трудным ребенком, способным кого угодно вывести из терпения. Чуть что не по ней, она заливалась плачем. Могла упасть на землю посреди улицы, колотя ногами и руками, так что Луизе приходилось, сгорая от унижения, тащить ее за собой. Если няня присаживалась на корточки, пытаясь о чем-нибудь с ней договориться, Мила демонстративно отворачивалась и принималась вслух считать бабочек на обоях. Рыдая, она не забывала посмотреть на себя в зеркало. Эта девочка была просто околдована собственным отражением. На улице она не сводила глаз с витрин и не один раз врезалась в столб или спотыкалась о выбоины на тротуаре, не в силах оторваться от самосозерцания.

Мила – хитрюга. Она понимала, что на них смотрят прохожие и что Луизе за нее стыдно. В присутствии посторонних няня уступала быстрее. Луиза специально делала крюк, лишь бы не проходить мимо магазина игрушек на проспекте, перед витриной которого Мила каждый раз устраивала истерику. По дороге в детский сад она еле волочила ноги. Могла стащить ягоду малины с лотка торговца фруктами. Залезала на приступки витрин, пряталась за выступами домов, а то вдруг удирала со всех ног. Луиза бежала за ней, толкая коляску и громко выкрикивая ее имя, пока Мила не останавливалась у самого края тротуара. Иногда девочка раскаивалась. Видя, как Луиза бледнела от страха, Мила и сама пугалась. Становилась кроткой и ласковой, говорила, что больше так не будет, прижималась к ногам няни и с плачем требовала прощения.

Постепенно Луизе удалось приручить дикарку. День за днем она рассказывала ей сказки, в которых действовали одни и те же персонажи. Сиротки, заблудившиеся девочки, томящиеся в темнице принцессы... Она описывала заброшенные замки, в которых поселились ужасные людоеды, диких животных, странных птиц с кривыми клювами, однолапых медведей и печальных единорогов. Девочка сидела тихо-тихо, ловила каждое слово и без конца просила рассказать, что было дальше. Откуда у Луизы брались эти истории? Они рождались в ее сознании сами и изливались бурным потоком без малейшего усилия с ее стороны, без напряжения памяти или воображения. Из каких темных озер, затерянных во мраке непроходимых чащоб, черпала она эти жестокие сюжеты, неизменно заканчивавшиеся гибелью героя, перед смертью все-таки успевшего спасти мир?

* * *

Мириам не любила, когда по утрам открывались двери их адвокатской конторы. После 9:30 начинали собираться коллеги: они пили кофе, звонили по телефону, расхаживали туда-сюда. Прощай, покой.

Мириам всегда приходила на работу первой, еще до восьми. Включала маленькую настольную лампу. Перед четким кругом света, в почти кладбищенской тишине к ней возвращалась сосредоточенность, знакомая по годам студенчества. Забыв обо всем, она с наслаждением погружалась в изучение папок с делами. Иногда она прогуливалась по темным коридорам с тем или иным документом в руке и вслух говорила сама с собой. Брала чашку кофе и шла на балкон выкурить сигарету.

Утром своего первого рабочего дня Мириам поднялась чуть свет, преисполненная почти детского энтузиазма. Надела новую юбку и туфли на каблуках, так что Луиза воскликнула: «Какая вы красивая!» На пороге квартиры няня с Адамом на руках подтолкнула хозяйку к выходу. «Ни о чем не волнуйтесь, – повторяла она. – У нас все будет хорошо».

Паскаль встретил Мириам очень радушно. Он отвел ей кабинет, смежный со своим и разделенный дверью, которая почти никогда не закрывалась. Через пару-тройку недель Паскаль поручил ей несколько дел, которые доверил бы не всякому более опытному коллеге. А через несколько месяцев Мириам уже самостоятельно вела дела десятка клиентов. Паскаль говорил, что ей надо набить руку, и тогда она сумеет проявить свою фантастическую работоспособность. Она ни от чего не отказывалась. Не вернула Паскалю ни одного дела. Не жаловалась, что вынуждена задерживаться вечерами. Он часто говорил ей: «Ты просто гений». На протяжении долгих месяцев она не поднимая головы корпела над всякой мелочовкой. Защищала уличных наркоторговцев, неплательщиков алиментов, одного эксгибициониста, незадачливых воришек, пьяных водителей. Вела дела недобросовестных должников, мошенников с банковскими картами и присвоением чужой личности.

Паскаль рассчитывал на нее в привлечении новых клиентов и советовал посвятить часть времени изучению судопроизводства. Дважды в месяц она отправлялась в суд коммуны Боби-

нии и до девяти вечера сидела в коридоре, глядя на часы, стрелки которых, казалось, прилипли к циферблату. Иногда выдержка ей изменяла, и она грубо отшивала растерянных клиентов. Но она старалась и в конце концов добивалась своего. Паскаль не уставал ей повторять: «Ты должна знать дело назубок!» И она не ленилась. До глубокой ночи читала и перечитывала судебные протоколы. Цеплялась за малейшую неточность, за каждое нарушение процедуры. Она отдавалась каждому делу с маниакальной страстью, что вскоре принесло свои плоды. Бывшие клиенты рекомендовали ее своим друзьям. Ее имя стало популярным среди осужденных. Один парень, которого Мириам спасла от тюремного срока, клялся ей в вечной благодарности. «Ты меня вытащила, – говорил он. – Я этого не забуду».

Однажды ей позвонили посреди ночи с просьбой присутствовать при предварительном аресте. Бывшего клиента задержали по обвинению в нанесении побоев супруге. Он, однако, утверждал, что не способен поднять руку на женщину. Было два часа ночи. Мириам оделась в полной темноте, стараясь не шуметь, только наклонилась поцеловать Поля. Он заворчал и отвернулся.

Муж часто говорил ей, что она совсем заработалась, и это ее злило. Обиженный, он старался проявлять преувеличенную заботу о ней, уверял, что беспокоится о ее здоровье и что Паскаль ее эксплуатирует. Она гнала от себя мысли о детях, связанные с пожиравшим ее чувством вины. Порой ей казалось, что все сговорилось против нее. Свекровь твердила, что «Мила часто болеет потому, что чувствует себя брошенной». Коллеги никогда не приглашали ее зайти после работы в бар и изумлялись, что она сидит в конторе допоздна. «У тебя же вроде дети, ты забыла?» А тут еще воспитательница Милы вызвала Мириам для разбора глупой ссоры ее дочери с мальчиком из группы. Мириам принялась извиняться за то, что не ходит на родительские собрания, отправляя вместо себя Луизу, и воспитательница, седовласая дама, широко разведя руки, произнесла: «Если б вы только знали! Это болезнь века. Бедные дети предоставлены самим себе, а у родителей только карьера на уме. Они все время куда-то спешат. Знаете, какое слово они чаще всего говорят детям? «Быстрее!» И разумеется, бесследно это не проходит. Дети заставляют нас платить за свои тревоги и чувство заброшенности».

Мириам ужасно хотелось поставить ее на место, но она почему-то не решилась. Может, из-за того, что сидела на неудобном детском стульчике в комнате, пропахшей акварелью и пластилином? Эта обстановка вкупе с «учительским» тоном собеседницы словно вернула ее в детство, к годам послушания и принуждения. Мириам улыбнулась. Пробормотала, что благодарна за внимание, и пообещала, что Мила исправится. Она сдержалась и не высказала этой старой гарпии, что думает о ней, ее женоненавистничестве и ханжестве. Она слишком боялась, что та выместит свою злобу на ее дочери.

Зато Паскаль, судя по всему, отлично понимал ее азарт, всепоглощающую жажду признания и желание бросить вызов судьбе. Они как будто вели незримый бой, от которого каждый получал острое удовольствие. Он толкал ее вперед, она ни разу не споткнулась. Он испытывал ее на выносливость, она ни разу его не подвела. Однажды он пригласил ее выпить по стаканчику после работы. «Сегодня ровно полгода, как ты к нам пришла. Это стоит отметить!» Они молча шли по улице. Он открыл перед ней дверь быстро, и она ему улыбнулась. Они выбрали столик в глубине зала и сели на мягкий диванчик. Паскаль заказал бутылку белого вина. Они заговорили о последнем деле, но почти сразу переключились на воспоминания о студенческих годах. О грандиозной вечеринке, которую устроила их сокурсница Шарлотта в родительском особняке в восемнадцатом округе Парижа. О том, как тряслась бедняжка Селин в день устного экзамена. Мириам пила быстро и смеялась шуткам Паскаля. Ей совсем не хотелось домой. Не хотелось никого предупреждать. Не хотелось, чтобы ее ждали. Но у нее был Поль. И дети.

Эротические флюиды, легкие, покалывающие, заиграли у нее в горле и в груди. Она провела кончиком языка по губам. Впервые за долгое время она ощутила простое, здоровое, эгоистическое желание. Желание быть собой. Мириам любила Поля, и тело мужа было для нее

связано с множеством воспоминаний. Когда он входил в нее, он входил в ее отягощенную материнством утробу, которая так часто принимала сперму Поля. Благодаря складкам и изгибам этой утробы они создали семью, вместилище безмерных тревог и безмерного счастья. Это Поль массировал ее отекавшие ноги со вздутыми венами. Это он заметил, что простыня вся в крови. Это он держал ее голову, пока ее рвало, жалкую и скрюченную. Он промокал ей лицо во время схваток. Это он достал из нее детей.

* * *

Ей всегда претила мысль о детях как о препятствии к личному успеху, к свободе. Как о якорю, тянущем ко дну, как о камне, привязанном к ногам утопленника. Поначалу осознание этой истины погрузило ее в глубокую печаль. Ей казалось, что это ужасно, до отчаяния несправедливо. Она понимала, что никогда не сможет избавиться от чувства неудовлетворенности, боязни, что она неудачница, что принесла одну часть своей жизни в жертву другой. Она переживала это как настоящую трагедию, не желая отказываться от мечты об идеальной семье. И убедила себя, что все в ее силах, что она может добиться своих целей и при этом не превратиться в стерву или в трудоголика. Она не собиралась играть роль мученицы или мамыши Кураж.

Почти каждый день Мириам получала сообщения от своей подруги Эммы. Та постоянно публиковала в социальной сети обработанные в технике сепии снимки двух своих белокурых детей. Малыши еще играли в песочнице, но прозорливая мать уже записала их в школу, которая, несомненно, поможет расцвести их талантам. Она дала им непроницаемые имена, заимствованные из скандинавской мифологии, и с радостью объясняла их значение новым знакомым. Эмма сама присутствовала на этих снимках, красивая и довольная. В отличие от мужа, обязанность которого сводилась к роли фотографа идеального семейства. Иногда он, правда, предпринимал попытки пролезть в кадр. Он носил бороду и ходил в джемперах из натуральной шерсти, а на работу облачался в неудобные узкие брюки.

Мириам не решалась поделиться с Эммой своими смутными мыслями, не столько жестокими, сколько постыдными, возникавшими у нее при взгляде на Луизу и своих детей. Мы не будем счастливы, думала она, пока не перестанем нуждаться в ком бы то ни было. Пока не заживем своей собственной жизнью, принадлежащей только нам и никому другому. Пока не станем свободными.

* * *

Мириам посмотрела в дверной глазок. Каждые пять минут она повторяла: «Они опаздывают». Мила нервничала. Она сидела на краешке дивана в кошмарном платье из тафты, с глазами полными слез.

– Думаешь, они не придут?

– Ну конечно придут, – ответила Луиза. – Подождем еще немного.

Подготовка к празднованию дня рождения Милы приобрела прямо-таки вселенский масштаб. Целых две недели Луиза ни о чем другом и думать не могла. Вечером, когда Мириам, валясь с ног от усталости, возвращалась с работы, Луиза показывала ей гирлянды собственного изготовления. С истерическими нотками в голосе она говорила, что нашла в одном магазине чудное платье из тафты, которое, она уверена, страшно понравится Миле. Мириам едва сдерживалась, чтобы ее не оборвать. Ее раздражали эти нелепые хлопоты. Мила совсем еще ребенок! Совершенно незачем морочить ей голову подобными глупостями. Луиза недоверчиво смотрела на нее, вытаращив свои маленькие глазки, а потом призвала в свидетели радостно возбужденную Милу. Главное – доставить удовольствие принцессе, а значит, день рождения

надо превратить в настоящую феерию. Мириам подавила свой сарказм. Она чувствовала себя немного виноватой и в конце концов пообещала, что сделает все от нее зависящее, чтобы быть в этот день дома.

Луиза решила устроить праздник в среду днем, когда все дети в Париже и никто не сможет отказаться от приглашения. Мириам ушла на работу утром, но дала слово, что после обеда вернется.

Открыв дверь, она едва не вскрикнула – квартиру было не узнать. Гостиная совершенно преобразилась: в глазах рябило от блестящих украшений, шариков и бумажных гирлянд. Диван был отодвинут к стене, чтобы освободить место для детских игр. Даже дубовый стол – тяжеленный, который не покидал своего места со дня их вселения в квартиру – и тот перебрался на другой конец комнаты.

– Кто же двигал мебель? Это Поль вам помог?

– Нет, – отвечала Луиза. – Я сама.

Мириам не верила своим глазам. Глядя на миниатюрные, тонкие, как спички, руки няни, она чуть не фыркнула от смеха. Потом она вспомнила, что и раньше замечала, какой невероятной силой обладает Луиза. Пару раз она с изумлением наблюдала, как Луиза тащит тяжелые громоздкие сумки, одновременно держа на руках Адама. За хрупкой внешностью этой женщины скрывалась колоссальная мощь.

Все утро Луиза надувала шарики, скручивала их в форме разных животных и развешивала повсюду, от прихожей до кухни. Она сама приготовила праздничный торт, гигантскую шарлотку со свежими ягодами, украшенную съедобными фигурками.

Мириам жалела, что зря потратила половину рабочего дня. Как было бы хорошо провести это время в тиши родного кабинета! День рождения дочки выбил ее из колеи. Она боялась оравы непослушных детей, от скуки готовых на что угодно. Она не хотела мирить поссорившихся и утешать плачущих, чьи родители не торопились забирать свои чада. У нее в памяти всплыли отвратительные воспоминания из собственного детства. Она снова как наяву увидела себя сидящей на белом пушистом ковре, отдельно от компании других девочек, занятых игрой в кукольный обед. Она уронила на ковер кусочек шоколада, который тут же растаял, а потом попыталась замаскировать следы «преступления», но сделала только хуже, и мать именинницы строго отчитала ее на глазах у всех.

Мириам ушла к себе в комнату, закрыв за собой дверь, под тем предлогом, что ей надо срочно проверить рабочую почту. Она знала, что сегодня, как всегда, может вполне рассчитывать на Луизу. Дверной звонок застал ее врасплох. Гостиная наполнилась детскими криками. Луиза включила музыку. Мириам на цыпочках вышла из комнаты и стала наблюдать за детьми, сгрудившимися вокруг Луизы. Как замороженные, они ходили за ней по пятам. Она пела им песенки и показывала фокусы. Под их восхищенными взглядами она то и дело меняла облик, и детвора, которую не так легко провести, мгновенно признала в ней свою. Она фонтанировала весельем и энергией, пела, смеялась, мяукала котом и лаяла собакой. В какой-то момент она встала на четвереньки и посадила себе на спину Милу и еще одного мальчика, заставив остальных детей смеяться до слез и упрашивать ее покатать и их.

* * *

Больше всего Мириам восхищала способность Луизы играть самозабвенно, как играют дети, наслаждаясь своим всемогуществом. Однажды, вернувшись домой, Мириам обнаружила Луизу на полу, с лицом в боевой раскраске: няня разрисовала себе лоб и щеки черными полосами. Ее голову украшал венец из перьев, сделанных из цветной бумаги. Середину гостиной занимал импровизированный вигвам, сооруженный из простыни, швабры и стула. Растерянная Мириам остановилась в дверях. Она глядела на Луизу, которая корчилась и издавала дикие

вопли, и чувствовала страшную неловкость. Первым делом она подумала, что няня вдрызг пьяна. Заметив Мириам, Луиза поднялась на ноги и направилась к ней нетвердой походкой, с пылающими щеками. «Простите, у меня ноги затекли», – сказала она. Адам обхватил ее за икру, и она засмеялась смехом, еще принадлежащим тому выдуманному миру, в который увлекла их игра.

Наверное, Луиза и сама большой ребенок, успокаивала себя Мириам. Потому и игры с Милой она воспринимает слишком всерьез. К примеру, они обожали играть в полицейских и воров, и Луиза позволяла запираť себя в воображаемой камере. Иногда она изображала стража порядка и гонялась за Милой, каждый раз строго устанавливая, где что находится, и требуя от девочки соблюдать эту «географию». Она мастерила костюмы и сочиняла сценарий, полный неожиданных поворотов. С предельной тщательностью готовила декорации и реквизит. Порой Мила, устав ждать, умоляла няню: «Ну хватит, давай уже играть!»

Но больше всего Луиза – о чем Мириам и не подозревала – обожала играть в прятки. Только в ее прятках никто не считал «до десяти», и в них вообще отсутствовали правила. Игра всегда начиналась без предупреждения. Просто Луиза вдруг исчезала. Она забивалась в какой-нибудь укромный уголок и ждала, что дети будут ее искать. Чаще всего она выбирала такие места, откуда могла за ними наблюдать. Забиралась под кровать или вставала за дверью и стояла так, замерев и почти не дыша.

Сообразив, что сейчас будет игра, Мила издавала громкий вопль и хлопала в ладоши. Повторяя за ней, то же делал и Адам. От смеха у него подгибались ноги, и он шлепался на попку, поднимался и снова шлепался. Они звали ее, но она не откликалась.

– Луиза-а! Ты где? Луиза, мы идем тебя искать!

Луиза молчала. Она не показывалась, даже когда дети начинали плакать, даже когда их всхлипы переходили в рыдания. Подглядывая из укрытия, она видела, как Адам, захлебываясь слезами, ложился на пол. Он не понимал, что происходит, и звал ее, глотая последний слог: «Лу! Лу-у!» Его личико, перемазанное соплями, краснело от злости. Постепенно и Мила поддавалась страху. Она уже была готова поверить, что Луиза и правда ушла, бросила их одних в квартире, где уже сгущались сумерки, и больше не вернется. Когда страх становился нестерпимым, Мила умоляла няню: «Луиза, это не смешно! Где ты?!» Она сердилась и топала ногами. Луиза выжидала. Наблюдала за детьми как за конвульсиями только что выловленной рыбы с окровавленными жабрами, которая трепыхается на дне лодки и понапрасну хватается воздух измученным ртом, не понимая, что ей конец.

Через некоторое время Мила научилась находить места, где пряталась няня. Она сообразила, что нужно открывать двери, поднимать шторы, заглядывать под кровати. Но Луизе с ее миниатюрной фигурой ничего не стоило отыскивать все новые – она могла забраться в корзину с грязным бельем, залезть под стол Поля или в шкаф, да еще и набросить на себя одеяло. Как-то раз она спряталась в душевой кабине, а свет в ванной, конечно, не зажгла. Мила искала ее долго, но так и не нашла, и заплакала. Луизу ее рыдания не разжалобили. Детские слезы на нее не действовали.

Но в один прекрасный день Мила не стала плакать. Луиза попала в собственную ловушку. Мила молча бродила вокруг корзины с грязным бельем, где засела Луиза, притворяясь, что ни о чем не догадывается. Потом она села сверху, и Луиза почувствовала, что задыхается.

– Ну что, миримся? – прошептала девочка.

Но Луиза не желала сдаваться. Она сидела тихо, как мышка, упершись коленями в подбородок, и слушала, как маленькие ножки постукивают по стенкам плетеной корзины.

– Луиза, я же знаю, что ты там! – засмеялась Мила.

Вдруг Луиза резко выпрямилась, и Мила свалилась на пол, ударившись головой о кафельную плитку. От неожиданности она заплакала, но при виде торжествующей Луизы, воскрес-

шей из небытия и празднующей победу, перестала реветь и затряслась в истерическом смехе. В ванную вбежал Адам и присоединился к веселью сестры и няни, которые обе хохотали как безумные, едва не давясь от смеха.

Стефани

В восемь лет Стефани уже умела менять пеленки и готовить детскую смесь. Уверенно и бесстрашно она подсовывала руку под хрупкую шейку младенца и вынимала его из решетчатой кровати. Она знала, что малыша надо положить на спинку и ни в коем случае не трясти. Она могла его искупать, крепко держа рукой за плечи. У нее не было ни братьев, ни сестер, но ее детские воспоминания были неразрывно связаны с криками, слезами и лепетом новорожденных. Окружающие поражались тому, с какой любовью она заботится об этих крохах, и говорили, что у нее чрезвычайно развито материнское чувство и чувство ответственности, какое не часто встретишь у девочки ее возраста.

Пока Стефани росла, ее мать присматривала за чужими детьми у себя дома. Точнее сказать, дома у Жака, что он всегда с настойчивостью подчеркивал. По утрам матери приносили своих малышей. Она хорошо помнила этих вечно спешащих, печальных женщин. Выйдя из квартиры, они всегда медлили, приложив ухо к двери. Луиза научила дочь узнавать звуки их пугливых шагов по коридору. Некоторые из них возвращались на работу почти сразу после родов, доверяя грудного ребенка заботам Луизы. Они доставали из непрозрачных сумок бутылочки со сцеженным ночью грудным молоком, которые Луиза ставила в холодильник. Стефани не забыла про эти бутылочки, на каждой из которых значилось имя ребенка. Как-то ночью она проснулась, встала, взяла бутылочку краснощекого Жюля, который своими острыми ноготками однажды поцарапал ей щеку, и залпом выпила молоко. Кисловато-сладкий вкус подгнившей дыни еще несколько дней стоял у нее во рту.

В субботу вечером они с матерью иногда ходили сидеть с детьми в чужие квартиры, которые тогда казались ей огромными. Женщины, красивые и величественные, шествовали в переднюю, по пути чмокнув в щеку детей и оставив на ней след помады. Мужчины, ждавшие в гостиной, чувствовали себя в обществе Луизы и Стефани неловко, перетаптывались на месте, глупо улыбались и поторапливали жену, которой наконец помогали накинуть шубу. Уже в дверях мать приседала на корточки, с трудом удерживая равновесие на шпильках, и утирала сыночку слезы: «Не плачь, мое солнышко. Луиза расскажет тебе сказку. Луиза очень добрая. Правда, Луиза?» Луиза кивала. Она прижимала к себе детей, которые вырывались, рыдали и рвались к маме. Порой Стефани их ненавидела. Она не могла без ужаса смотреть, как они пинали Луизу и вели себя с ней как маленькие капризные тираны.

Пока Луиза укладывала детей спать, Стефани рылась в ящиках комодов и открывала оставленные на трюмо шкапулки. Доставала с нижней полки журнального столика фотоальбомы и рассматривала фотографии. Луиза в это время наводила в квартире чистоту. Мыла посуду, протирала кухонный стол. Аккуратно складывала одежду, которую мадам побросала на кровать, выбирая наряд на вечер. «Ты не обязана мыть им посуду! – убеждала ее Стефани. – Лучше посиди со мной!» Но Луиза обожала заниматься уборкой. Она заранее предвкушала, какие лица будут у вернувшихся родителей, когда до них дойдет, что они получили не только бебиситтера, но и бесплатную уборщицу.

* * *

Супруги Рувье, у которых она проработала несколько лет, брали их с собой в загородный дом. Луиза трудилась, а Стефани вроде бы проводила там каникулы. Но в отличие от хозяйских детей ее привезли не для того, чтобы она загорала на солнышке и объедалась фруктами. Не для того, чтобы она наслаждалась блаженной вольницей, гуляла допоздна и училась кататься на велосипеде. Ее привезли потому, что матери некуда было ее девать. Луиза велела ей никому

не лезть на глаза и играть тихо-тихо. Чтобы никто не подумал, что они злоупотребляют хозяйской добротой. «Ну и что, что они сказали, что мы тут тоже как бы в отпуске. Если ты будешь слишком шуметь и смеяться, им это не понравится». За обедом Стефани сидела рядом с матерью, подальше от хозяев и их гостей. Она помнила, что за столом все весело болтали. Только они с матерью сидели опустив глаза и молча поглощали пищу.

Рувье и впрямь болезненно переносили присутствие Стефани. Оно смущало их почти физически. Они испытывали постыдную антипатию к этой темноволосой неуклюжей девочке в застиранном купальнике и с апатичным выражением лица. Когда она приходила в гостиную и садилась рядом с Эктором и Танкредом смотреть телевизор, их родителями почему-то овладевало чувство дискомфорта. Кончалось это тем, что ее просили о какой-нибудь услуге: «Стефани, будь так добра, принеси мои очки, я оставила их в прихожей» – или говорили, что на кухне ее ждет мать. К счастью, Луиза сразу запретила дочери даже приближаться к бассейну, избавив Рувье от необходимости не пускать ее туда.

* * *

Накануне отъезда Эктор и Танкред пригласили соседских детей попрыгать на своем новом батуте. Стефани, которая была не намного старше мальчиков, показала чудеса изобретательности и ловкости. Она выделяла умопомрачительные и рискованные пируэты, вызвав в зрителях восхищенные крики. Но вскоре мадам Рувье попросила ее слезть и дать поиграть маленьким. Потом она подошла к мужу и голосом полным сочувствия сказала: «Может, зря мы ее сюда пригласили. Представляю, как ей тяжело смотреть на все то, чего у нее нет и никогда не будет». Муж ответил ей улыбкой облегчения.

* * *

Мириам ждала этого вечера всю неделю. Она открыла дверь квартиры. Сумка Луизы лежала на кресле в гостиной. Дети пели песенку. Что-то про зеленую мышку и кораблики, кто-то там кружился и куда-то плыл. Мириам на цыпочках подошла поближе. Луиза стояла на коленях, склонившись над ванной. Мила купала свою рыжеволосую куклу, а Адам хлопал в ладоши и подпевал сестре. Луиза осторожно брала хлопья пены и водружала их детям на голову. Они весело хохотали, а няня дула на них, и пенные шапки слетали.

В метро, по дороге домой, Мириам испытывала чуть ли не любовное нетерпение. Она не виделась с детьми на протяжении пяти дней и сегодня поклялась, что проведет с ними целый вечер. Они все втроем заберутся в постель, и она будет их тискать и щекотать, прижимать к себе так крепко, что они начнут вырываться.

Спрятавшись за дверью ванной, она осмотрела детей и няню и глубоко вздохнула. Ее охватило неистовое желание потереться об их кожу, расцеловать маленькие ручки, услышать, как они своими тонкими голосами произносят слово «мама». Она вдруг страшно расчувствовалась. Вот что значит быть матерью. Из-за этого иногда как будто глупеешь. Начинаешь в самых обычных вещах видеть нечто исключительное. Умиляешься каждому пустяку.

Всю неделю она возвращалась с работы очень поздно. Дети уже спали. Проводив Луизу, Мириам ложилась рядом с Милой в ее кроватку и вдыхала восхитительный запах детских волос, отдававший химической эссенцией клубничных леденцов. Сегодня она разрешит им делать то, что обычно запрещает. Они будут ужинать бутербродами с соленым маслом и шоколадом прямо в постели. Будут смотреть мультики, пока не заснут, приткнувшись друг к другу. Ночью ее будут будить удары пяткой в лицо, и она будет без конца проверять, не свалился ли Адам во сне на пол.

* * *

Дети вылезли из ванны и голышом бросились в объятия матери. Луиза начала наводить порядок и мыть ванну губкой.

– Луиза, не стоит, – сказала ей Мириам. – Уже поздно. Можете идти домой. У вас наверняка был трудный день!

Луиза, как будто ее не слыша, продолжала до блеска натирать бортики ванны, а потом, согнувшись в три погибели, стала собирать разбросанные детьми игрушки.

Потом она сложила полотенца. Потом выгрузила из стиральной машины белье и постелила детям постели. Потом убрала губку в шкафчик, пошла на кухню, достала и поставила на огонь большую кастрюлю. Мириам растерянно наблюдала за ее хлопотами и пыталась урезонить Луизу:

– Я все сделаю сама, не беспокойтесь!

Она потянулась забрать у Луизы кастрюлю, но та вцепилась в ручку и не желала ее отпустить.

– Отдыхайте, – сказала она. – Вы же устали. Идите к детям, а я приготовлю ужин. Я вам не помешаю.

И это была правда. Чем дольше оставалась с ними Луиза, тем незаметнее и незаменимее она становилась. Мириам больше не звонила ей, чтобы предупредить, что задержится, а Мила перестала спрашивать, когда придет мама. Луиза просто была и держала на своих хрупких плечах все здание их семейной жизни. Мириам молча принимала эту заботу. С каждым днем она поручала Луизе все больше дел, а та в ответ только благодарно улыбалась. Няня походила на одну из одетых в черное фигур, которые в театре расставляют на темной сцене декорации. Уносят диван, одной рукой передвигают колонны и стены из папье-маше. Луиза действовала за кулисами, невидимая и всемогущая. Именно она дергала за прозрачные нити, без которых невозможно никакое волшебство. Она олицетворяла Вишну – щедрое, ревнивое божество-покровителя. Она была волчицей с набухшими сосцами, к которым они припадали, неиссякаемым источником их семейного счастья.

Они смотрели на нее, но ее не видели. Она присутствовала среди них постоянно, но так и не стала своей. Она приходила все раньше, а уходила все позже. Однажды обнаженная Мириам на пороге ванной чуть не столкнулась с Луизой, но та и бровью не повела. «Ну и что? – успокаивала себя Мириам. – Она не думает, что я должна стыдиться своего тела».

Луиза убеждала супругов проводить вместе больше времени.

– Живите, пока молоды! – как заведенная повторяла она.

Мириам прислушивалась к ее советам. Она считала Луизу мудрой и доброй. Однажды Поль и Мириам пошли на вечеринку к музыканту, с которым Поль недавно познакомился. Дом находился в Шестом округе, а квартира располагалась под самой крышей. В крохотной гостиной под низким потолком яблоку было негде упасть, но атмосфера царила веселая, гости танцевали. Жена музыканта, высокая блондинка с губами, накрашенными помадой цвета фуксии, сворачивала косяки и наливала в ледяные рюмки водку. Мириам болтала с незнакомыми людьми и громко хохотала. Она целый час просидела на кухне, примостившись прямо на столе. В три часа ночи гости стали жаловаться, что умирают с голоду, и прекрасная блондинка приготовила омлет с грибами, который они съели прямо со сковородки, размахивая вилками.

Домой они вернулись около четырех и обнаружили Луизу спящей на диване – она свернулась в клубочек и подтянула колени к подбородку. Поль осторожно накрыл ее одеялом. «Не будем ее будить. Она так сладко спит». С того дня Луиза раз или два в неделю оставалась ночевать у них. Это никогда не обсуждалось вслух и произошло словно бы само собой, но Луиза терпеливо вила себе гнездо посреди их квартиры.

* * *

Время от времени Поль выражал тревогу из-за того, что рабочий день Луизы все удлиняется. «Я не хочу, чтобы она обвинила нас, что мы ее эксплуатируем!» Мириам обещала, что разберется. Она, всегда такая прямолинейная и даже суровая, злилась на себя, что не сделала этого раньше. Ничего, она поговорит с Луизой и прояснит ситуацию. С одной стороны, ей и правда было неловко, но в глубине души она не могла не радоваться, что Луиза взвалила на себя домашние хлопоты и делала даже то, о чем ее никто не просил. Пока что Мириам ограничивалась бесконечными извинениями. Возвращаясь позже обычного, она говорила: «Простите, что так бессовестно пользуюсь вашей добротой». На что Луиза неизменно отвечала: «Так я для того и прихожу. Не беспокойтесь».

Мириам дарила ей мелкие подарки. То купит в дешевой лавчонке рядом с метро сережки, то принесет апельсиновый кекс – единственная известная ей слабость Луизы. Она отдавала ей свои старые вещи, хотя всегда считала, что в этом есть что-то унижительное. Мириам лезла из кожи вон, лишь бы не обидеть Луизу, не вызвать в ней зависть, не причинить боль. Покупая обновки себе и детям, она прятала их в старую холщовую сумку и доставала только после ухода Луизы. Поль одобрял ее тактичность.

* * *

Постепенно с Луизой познакомились все друзья Поля и Мириам. Одни видели ее на улице или дома, когда приходили в гости. Другие слышали восторженные рассказы о чудотняне, словно сошедшей со страниц детской книжки.

Вскоре у них завелась традиция собираться у Поля и Мириам на «ужин Луизы». Луиза быстро разобралась, кто что любит. Она знала, что Эмма за умными разговорами о пользе вегетарианства скрывает свою анорексию. Что брат Поля Патрик обожает мясо и грибы. Как правило, ужины устраивались по пятницам. Луиза начинала готовить сразу после обеда, дети играли на кухне. Она наводила порядок в квартире, покупала букет цветов и накрывала красивый стол. Она не поленилась съездить на другой конец Парижа, купила отрез ткани и сшила новую скатерть. Когда все приборы были разложены, соус уварился, а вино «дышало» в графине, она бесшумно покидала квартиру. Бывало, она сталкивалась с гостями в подъезде или у выхода из метро. Она смущенно принимала их комплименты и плотоядные улыбки, с какими они поглаживали живот и облизывались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.